

Однолезвийные балтские и скандинавские мечи эпохи викингов (VIII – XI вв) с вогнутыми клинками.¹

Д. Л. Черевичник

Это проект статьи. Публикуется с разрешения редакции журнала, в котором будет размещена работа.

Так как статья находится в процессе редактирования автором – дополняется и изменяется, - то возможны сдвиги в нумерации ссылок

Название статьи – условное. Возможно, в последней редакции будет изменено.

В данной работе впервые рассматривается тип однолезвийных мечей, с клинками, изогнутыми внутрь, по направлению к режущей кромке, бытовавших у народов Скандинавии (преимущественно на территории Норвегии) и у балтских племён в эпоху викингов – в VIII-XI вв. В статье описывается пятнадцать однолезвийных мечей этого периода с вогнутыми клинками, обнаруженных в Латвии (2), в Эстонии (2), в Финляндии (1), в Польше (1), в Норвегии (7), в Нормандии (1) и в Венгрии (1). На основании изучения археологического материала, в статье доказывается, что характерный морфологический признак - изгиб клинка внутрь к режущей кромке, у описанных образцов является не позднейшей деформацией или результатом утрат, а изначальным конструктивным элементом, а также предлагается выделить эти образцы оружия в отдельный тип

Summary:

This paper is the first to consider the type of single-blade swords, with blades curved inward towards the cutting edge, which were used by the peoples of the Scandinavian countries (mainly in Norway) and among the Baltic tribes in the Viking Age - in the VIII-XI centuries, which has not been previously described in the specialized literature, yet. The paper describes fifteen single-edged swords from this period with curved inwards blades found in Latvia (2), Estonia (2), Finland (1), Poland (1), Norway (7), Normandy (1) and Hungary (1). Based on the study of archaeological material, the paper proves that the characteristic morphological feature - the bending of the blade inward to the cutting edge in the described samples is not a later deformation or the result of losses, but an initial design (structural) element, and it is also proposed to single out these samples of weapons in a separate type and enter this information for scientific use.

Ключевые слова: меч викингов, балтский меч, однолезвийный меч, скрамасакс, вогнутый меч, меч земгалов, ятаган, фальката, копис, флисса, фальшион

Keywords: Viking sword, single-edged Viking sword, Baltic sword, Semigallian sword, skramasax, scramasax, recurved sword, curved inward sword, yataghan, falcate, kopis, flissa

В массовом сознании бытует распространённое поверие, что викинги были вооружены исключительно обоюдоострыми двулезвийными мечами. Это такое же расхожее заблуждение, как и растиражированные кинематографом и иллюстраторами рогатые шлемы, давно ставшие в популярной культуре одной из визитных карточек викингов. Разумеется, и то и другое лишь досужие домыслы и бродячие клише – викинги никогда не носили шлемов с рогами, да и арсенал их выглядел несколько иначе, чем это часто принято считать².

Как доказывают многочисленные археологические находки, несмотря на насаждаемые масскультурой клишированные образы этих северных воинов с обоюдоострыми мечами в руках, не исключено, что на самом деле, особенно в Норвегии, викинги нередко предпочитали использовать однолезвийные клинки. Так, например, всего в двух захоронениях викингов в Ирландии, в дублинском районе Килмейнем и у Айлендбридж (Островного моста), ещё во время археологических раскопок в 1860-х, было обнаружено шесть однолезвийных мечей³. А в 1919 году Петерсен (Petersen, 1919), описывая в своей монографии один из наиболее распространённых типов мечей викингов - «С» отмечает, что из сто десяти известных ему на тот момент образцов шестьдесят семь (!) мечей были однолезвийными («eneggede»)⁴. С момента выхода работы Петерсена прошло столетие, утекло немало воды и археология тоже не стояла на месте – каждый полевой сезон приносит новые открытия. К этому можно добавить многочисленные случайные находки и предметы из несанкционированных раскопок. К настоящему моменту только в странах Скандинавии было найдено около четырёх тысяч (sic!) мечей периода викингов. Большая их часть – примерно три тысячи – была обнаружена на территории Норвегии⁵. Очередная крупная находка была сделана десять лет назад, в эстонской деревне Сальме на острове Сааремаа. В ходе раскопок, проводившихся в 2008-2010 годах археологи обнаружили два массовых захоронения воинов, наиболее вероятно шведов, погибших в бою в 700-750 гг. н.э. – в самом начале эпохи викингов. Вместе с телами воинов в могильниках был обнаружен многочисленный погребальный инвентарь: щиты, наконечники копий и стрел, боевые топоры, и также в копилку археологов попали более сорока железных мечей, как двулезвийных, так и однолезвийных⁶. А уже совсем недавно, в 2019 году, там же в Эстонии, после раскопок в уезде Равала (Rävala), в копилку

археологов сразу попали фрагменты около ста мечей и боевых ножей эпохи викингов, в том числе однолезвийных -датированных X веком⁷.

По данным норвежских археологов, примерно пятая часть всех мечей VIII-XI вв. найденных в Норвегии, однолезвийные⁸. Таким образом, несложно рассчитать, что сегодня только в норвежских музеях должно находиться около 600 мечей, имеющих клинки с односторонней заточкой⁹. Также нельзя исключить, что многие хранящиеся в музеях значительно корродированные и деформированные клинки, тип которых из-за значительных повреждений и утрат не удалось установить, могли быть однолезвийными. Также и Эварт Оукшотт в работе «Swords of the Viking age» («Мечи эпохи викингов») отмечал, что многие ранние однолезвийные клинки находятся в ужасном состоянии¹⁰. И действительно – примерно около половины мечей периода викингов, хранящихся в музеях Норвегии, - это фрагменты клинков и эфесов, обезображенные сквозной коррозией.

И среди множества однолезвийных мечей периода викингов, обнаруженных как в самой Норвегии, так и в странах Северной и Восточной Европы, встречаются необычные экземпляры - с вогнутыми клинками, изогнутыми внутрь по направлению к режущей кромке, как у османского ятагана, греческой махайры кописа, или испанской фалькаты. Несмотря на то, что часть этих необычных мечей была изучена и описана ещё в конце XIX – первой половине XX столетия, эта их специфическая конструктивная особенность по тем или иным причинам избежала внимания исследователей. Но как это могло произойти в археологии оружия периода викингов, которая, казалось бы, «исхожена» вдоль и поперёк? Факторов могло бы несколько. Так, например, часть специалистов, изучавших эти мечи, - такие как Петерсен (Petersen, 1919), больше внимания уделяли эфесам – перекрестьям, навершиям. Некоторые образцы этих мечей не попались на глаза составителям справочников, так они были обнаружены, описаны и введены в научный оборот уже после их смерти, или же просто забытыми пылились в ящиках в музейных запасниках разных стран. О некоторых мечах практически не было публикаций, или же их описание было лаконичным, а на фотографиях и зарисовках часто были изображены только эфесы .

Впервые автор обнаружил косвенное свидетельство существования неизвестного и неопisanного типа европейских мечей VIII-XI веков в 2010 году, собирая материалы для работы о римско-фракийской сике, что, собственно, и инициировало всё дальнейшее исследование. В хрестоматийной монографии известного австрийского военного историка и оружейоведа XIX века Венделина Бёхайма «Handbuch der Waffenkunde»¹¹ автор обратил внимание на зарисовки мечей с гобелена из Байё, датированного XI столетием. Этот гобелен представляет собой полосу льняного полотна длиной 68,38м и шириной от 48 до

53 см. с хорошо сохранившейся вышивкой, изображающей сцены из истории завоевания Англии нормандцами и битву при Гастингсе. На одной из иллюстраций к книге Бёхайма изображены несколько типов мечей, встречающихся в руках воинов на гобелене. На двух рисунках можно увидеть самые заурядные прямые двулезвийные «каролинги». А вот третий меч,- однолезвийный, и выглядит он крайне необычно: клинок изогнут внутрь, к режущей кромке, и более того, имеет двойной изгиб, как, например, у некоторых османских ятаганов. Изначально автор предположил, что это просто неудачная зарисовка или дефект вышивки, однако, внимание его привлёк тот любопытный факт, что сам Венделин Бёхайм отнёс этот меч к отдельному типу¹².

. Поэтому автор обратился за консультацией в нормандский Bayeux Museum, где экспонируется гобелен. Сотрудники музея любезно предоставили фотографии фрагментов ковра в высоком разрешении, позволяющем рассмотреть все мельчайшие детали вышивки и даже фактуру ткани. Большая часть мечей на гобелене – это привычные двулезвийные «каролинги», но несколько образцов кардинально отличались формой клинка. Автор решил ограничиться изучением двух наиболее качественных и отчётливых изображений вогнутых мечей. Для этого была выбрана сценка, на которой граф Ги I из Понтье (Guy I de Ponthieu) беседует с Гарольдом Годвинсоном (Harold Godwinson). В 1064 году корабль, на котором плыл крупный англосаксонский магнат Годвинсон разбился у побережья Ла-Манша, неподалёку от земель Понтье, а сам Гарольд был захвачен в плен людьми Ги I. После того, как герцог Нормандии - Вильгельм Завоеватель, заплатил выкуп, Гарольд был освобождён. Сценка под названием «UBI HAROLD ET WIDO PARABOLANT» («Гарольд и Ги беседуют») изображает Ги I, сидящим на троне и покровительственно разговаривающим с пленным Гарольдом. Один из вогнутых мечей держит клинком вверх граф Ги, а на второй опирается солдат из группы воинов за спиной у Гарольда¹³. Так как линии рисунков рядом с обоими мечами не нарушены, автор предположил, что необычная вогнутая форма их клинков, это не позднейший дефект ткани или вышивки, а изначальная конструктивная особенность оружия. К сожалению, так как навершие скрыто рукой воина, идентифицировать меч, пользуясь типологией Петерсена (Petersen, 1919) - по эфесу, лишь основываясь на форме и размерах перекрестья, достаточно сложно. А вот у графа Ги I из Понтье (Guy I de Ponthieu), судя по эфесу, - развитому прямому перекрестью и полукруглому навершию,- скорее всего меч типа X (Petersen, 1919), но с однолезвийным клинком, изогнутым внутрь к режущей кромке.

Вскоре после этого, изображение сразу двух мечей с вогнутой формой клинка, нашлось в работе «Arms and Armour of the crusading era, 1050-1350» известного британского историка, специалиста по истории Средних веков, - Дэвида Николь (Nicolle,

1999). На рисунке мы видим двух солдат, вооружённых обычными для нормандцев мечами с D-образным навершием, известным как тип X (Petersen, 1919), которым также был вооружён и граф Ги I с гобелена Байё¹⁴. В качестве иллюстрации Николь использовал перерисовку фрагмента сцены Распятия с датированного X-XI вв. пасхального свитка (Latin MS 2) из Южной Италии (регион Бари, Апулия), хранящегося в библиотеке Джона Райлендса в Манчестере (Англия). Сразу же бросается в глаза необычная форма мечей – оба клинка изогнуты к режущей кромке. Автор предположил, что и в этом случае это тоже не простой дефект рисунка. Во-первых, крайне маловероятно, чтобы один и тот же одинаковый дефект появился сразу у двух художников на изображении мечей в разных иконографических источниках. Кроме того, важно отметить, что сам автор монографии, Дэвид Николь указал, что «оба воина вооружены *«однолезвийными слегка изогнутыми мечами»* (курсив автора)¹⁵. То-есть, как минимум два профессиональных историка оружия – Бёхайм и Николь – склонялись к мысли, что внутренний изгиб – это характерная конструктивная особенность этих мечей.

Но, тем не менее, одна лишь иконография, без археологического материала являет собой довольно шаткий аргумент. Нередко бывает, что небрежное и невнимательное перерисовывание старинного изображения или некачественной фотографии предмета приводит к наделению оружия нехарактерными для него признаками. Кроме этого, нельзя списывать со счетов и другие факторы, такие, например, как средневековые изобразительные каноны или фантазии иллюстратора. Так, например, многие европейские гравёры и иллюстраторы изображали восточные или славянские образцы одежды и вооружения, никогда не выезжая за пределы родных Нюрнберга или Мюнхена, и как следствие, смешивали стили и эпохи, порождая совершенно фэнтезийные модели. Но к счастью для сегодняшних исследователей, с эпохи начала книгопечатания технологии шагнули далеко вперёд, и в наши дни большая часть европейских музеев обзавелась оцифрованной базой данных. Каждый образец оружия не только снабжён детальным описанием, с перечислением всех деформаций и утрат, но и запечатлён в нескольких ракурсах.

Иногда, в начальной фазе исследования, при недоступности какого-либо образца, – для определения характера, расположения и масштаба повреждений холодного оружия, некоторые историки оружия изучают на фотографиях тень от лежащего на ровной поверхности клинка. Если плоскость клинка не деформирована, то и тень от него на поверхности, соответственно, практически будет отсутствовать. В свою очередь различные деформации, особенно изгибы в плоскости клинка, оставляют характерную

тень. Нередко по форме и расположению теней под клинком с достаточной степенью уверенности можно определить угол, масштаб и расположение таких деформаций.

Разумеется, этот способ не является панацеей, и применим он лишь в том случае, если фотографии оружия не были обработаны в графическом редакторе и фон с тенями остались на своих местах. И конечно же, это никогда не заменит изучение археологического материала «вживую». Но, тем не менее, метод этот является неплохим подспорьем в работе, и позволяет отсеять немалую часть предметов с явными деформациями уже на начальном этапе работы, лишь используя фотоархивы музеев, расположенных в разных концах мира, вместо того, чтобы тратить месяцы на путешествия и получение доступа к музейным фондам.

Увы, но пара средневековых изобразительных источников, пусть даже и подкреплённых мнением авторитетных исследователей оружия, хоть и давала пищу для размышлений, но всё же не могла служить достаточно веским доказательством бытования подобного типа мечей без аргумента «*par excellence*» - археологического материала. И начать поиски, что вполне логично, автор решил с «домашних» латвийских музеев – всё-таки, находки оружия эпохи викингов на территории Латвии не редкость. Более того, шведский археолог Биргер Нерман считал, что на месте, где сегодня располагается латвийский городок Гробини, в VIII-IX вв. находилась крупная колония викингов¹⁶. Правда, удача улыбнулась не сразу, и первые дни поисков принесли не только целый ряд интересных находок, но и разочарование: как оказалось, некоторые однолезвийные мечи периода викингов, которые, судя по фотографиям и зарисовкам в научных работах, совершенно очевидно имели явно выраженный так называемый «ятаганный» изгиб, на проверку оказались абсолютно прямыми. Так, например, среди таких «обманок» автор хотел бы упомянуть один из наиболее часто изображаемых известных мечей, обнаруженных на территории Латвии – однолезвийный меч, тип Z/T, инв. № LNVМ А 9062:1. На многих изображениях и фотографиях этого меча совершенно отчётливо виден ярко выраженный изгиб клинка внутрь, к режущей кромке¹⁷. Однако, когда автор впервые увидел это оружие в экспозиции Латвийского Национального исторического музея, то даже не смог сразу его идентифицировать. Форма клинка меча совершенно не соответствовала зарисовкам и фотографиям: обух абсолютно прямым, и лишь немного скошен в обухе у острия. Видимо, эффект вогнутости появился благодаря тому, что клинок расширяется к острию, как фальшион, или, скажем, кабийская флисса, что типично для балтийских однолезвийных мечей и боевых ножей IX-XII вв., а также, благодаря углу съёмки и освещению. В связи с этим уместно вспомнить аналогичное заблуждение, связанное с так называемым «ятаганом из Каирки» - железной саблей из

захоронения XIV века, обнаруженного экспедицией А.И. Кубышева в селе Каирка (Херсонская область) в 1983 году¹⁸. На достаточно нечёткой зарисовке из археологического отчёта благодаря драматическому состоянию оружия в результате сплошной сквозной коррозии (на сегодняшний день от сабли остался лишь эфес с небольшой частью клинка у рикассо), утратам, а также, скосу обуха у острия и развитой елмани, появился эффект вогнутости. В результате, несмотря на то, что в самом отчёте ясно указано, что обух у сабли прямой – у многих поклонников исторического холодного оружия сабля из Каирки приобрела устойчивую репутацию «ятагана». И сегодня некоторые исторические реконструкторы по всему миру изготавливают фантазийные реплики этого образца оружия с клинком большей или меньшей степени вогнутости. Миф зажил собственной жизнью. Что лишь в очередной раз доказывает, насколько спорным и ненадёжным источником является единственная и зарисовка предмета, особенно, когда речь идёт об историческом холодном оружии.

Но, несмотря на первоначальное фиаско, всё там же - в Латвийском историческом музее всё-таки нашёлся образец, обладавший необходимыми типобразующими признаками. Им оказался однолезвийный меч типа «Н» (Petersen, 1919) под инв. № LNVM KPM 1092, обнаруженный в латвийском местечке Циёмалде (Семальден, Цеемальден) Бауского уезда в 1895 году. Длина: 84,7см. Ширина клинка: 43мм. Толщина клинка: 6мм. Длина рукоятки - 93мм (Литература: 1896. Boy 1896, 3, lent. I:1; LA 1926, 71 tab.: 1²⁰; Nerman 1929, 65²¹; Anteins 1964²², 68, 1 tab.: 4; 1976, 45–46, 60 tab.: 4²³; Kazakevičius 1996, 29, 103²⁴; Atgāzis 1998, 95²⁵; Medvedeva 2010, 158, ris. 8²⁶; Jerums, N.2011, стр. 142, Таб. 3, рис. 4²⁷). Примечательны форма и строй клинка «ятаганного» типа -, значительно изогнутого внутрь, по направлению к режущей кромке. Никаких позднейших деформаций или утерь у этого меча нет.

Археологические раскопки в районе г. Бауски велись уже в 1880-х. Занимались этим не профессиональные археологи, а в основном местные краеведы-энтузиасты по собственной инициативе, как, например, руководитель раскопок в Бауском замке в 1886 году, инспектор городского училища Э. Шмидт. Не был археологом и Карл Бой, преподаватель Митавской (ныне. г. Елгава) гимназии, впервые описавший этот меч. В 1891 году при реконструкции старого лютеранского кладбища в Циёмалде землекопы стали находить бронзовые и железные элементы украшений и оружия. В 1895 году К. Бой получил от Императорской археологической комиссии разрешение на проведение в могильнике земляных работ. Всего он обнаружил 27 захоронений, датированных IX-XIII вв. В 1896 году вышел подробный отчёт Боя об этих раскопках. Все погребения он разделил на две группы – головой на юг («Ю»), и головой на север («С»). В погребальном

инвентаре группы «Ю» практически не встречалось оружие, лишь украшения и бытовые предметы – мотыги, гривны, фибулы. Вооружение – копья, боевые топоры, однолезвийные мечи, боевые ножи – были обнаружены лишь в погребениях группы «С». Именно в одном захоронении «северной» группы был найден однолезвийный меч с клинком, вогнутым к режущей кромке. В 1896 году в «Археологических известиях и заметках», издаваемых Российским Императорским археологическим обществом, вышла статья, посвященная раскопкам К. Боя в Циемалде. В этой статье был выдвинут тезис о двух разных этнических группах: «Мы не решаемся определять племена погребенных, но думаем, что тут надо различать по крайней мере два племена, причем одно племя (могилы головой на СВ., СЗ. и С.), может быть, было представлено лишь пришедшей военной дружиной»²⁸. Таким образом, не исключено, что меч LNVM KPM 1092 был изготовлен не местными земгальскими мастерскими, а за пределами страны.

А вскоре к мечу из Циемалде присоединился ещё один «латвиец». Это был типичный для балтских племён однолезвийный меч Z-типа, с «фальшионным» клинком, расширяющимся к острию и изогнутым внутрь к режущей кромке. Меч был найден под Кримулдой и принесён в дар пастором Адольфом Альбанусом (Adolph Albanus) 7 декабря 1838 года²⁹. Меч однолезвийный, инв. № 1254 GEG, полная длина 85 см. (Литература: *Mitteilungen*, 1893, – P.480, T. XIII: Fig.4³⁰; *Kat. Der Ausst.* 1896, Taf. 24:4³¹).

Автор расширил поиски на музеи других стран Балтии, и новые находки не заставили себя ждать. К образцам из Циемалде и Кримулды вскоре добавились ещё два типично балтийских меча с такими же вогнутыми клинками. Эти предметы были обнаружены в соседней Эстонии, в археологической коллекции Таллиннского университета. Первым из них стал датируемый X-началом XI в. меч инв. № AI 2643: 109, найденный в местечке Сууре-Яани (уезд Вильяндимаа) в 25 километрах от города Вильянди. Это однолезвийный меч Z-типа (Petersen, 1919) с типично балтским клинком «фальшионного» типа, расширяющимся к острию, и изогнутым к режущей кромке. (Литература: M. Mandel, 1991, 123³²; La Baume, 1956³³; Selirand, 1974³⁴; A. Tvauri, 2012, p. 182, Fig. 150: 3.³⁵). Длина – 80см, ширина – 2,7см.

Второй «эстонец» под инв. № AIK 85: 109, был обнаружен на острове Сааремаа. В описании меча сказано, что это случайная находка, и что обстоятельства его обнаружения неизвестны. И этот образец также является мечом типа Z, только вогнутость его клинка по сравнению с мечом из Сууре-Яани выражена более значительно. Длина меча – 81см, ширина – 3см; длина крестовины – 12см; длина навершия – 5,2 см. (Литература: H. Moora, 1926, p.26³⁶; P.Paulsen, 1939, p. 148-149, Abb. 91:3³⁷; La Baume, 1956, p.124³⁸; M. Mandel, 1991, p.112-113, *Tahvel* XIII:2.³⁹). Некоторые эстонские исследователи из рядов

исторических реконструкторов даже выдвигали теорию, что меч AIK 85: 109 является собой уникальный и эндемичный для Сааремаа фалькатообразный тип («*falcata saarnase*»), в связи с чем дали ему название «*Saare möök*» («островной меч», или «меч островного типа»)⁴⁰.

Ещё один однолезвийный балтский меч Z-типа с вогнутым клинком и характерным расширением к острию (инв. № KM42058:1), был найден совсем недавно, в 2019 году в финском местечке Урьяла (провинция Пирканмаа). Меч является случайной находкой – обнаружил его местный житель, прогуливавшийся по окрестностям с металлодетектором. Место обнаружения меча, известное сегодня как археологический объект Урьяла Велкала 4, представляет собой кремационное захоронение, датирующееся эпохой викингов (800-1050 гг. Н. э.)⁴¹. Вместе с мечом были найдены наконечник копья G-типа (Petersen, 1919), топор и бронзовое кольцо. Размеры меча: общая длина – 865 мм; длина клинка – 715 мм; ширина клинка – от 25,1 до 30,5 мм; максимальная толщина клинка – 8 мм; длина крестовины – 117 мм; поммель (навершие) – 71 x 41 мм. Согласно мнению финского археолога Эса Миккола (Esa Mikkola, Museovirasto), меч не имеет позднейших деформаций, и его вогнутая форма – оригинальный конструктивный элемент. Один из наиболее авторитетных финских специалистов по мечам эпохи викингов, автор монографии «*Viikinkimiekat Suomessa*» («Мечи викингов в Финляндии»), археолог и оружейник Микко Мойланен считает, что этот меч представляет собой *Æ* – тип (Petersen, 1919) – так называемый, «переходный» тип⁴².

Для дальнейших поисков автор решил обратиться к работам, посвящённым археологии оружия Восточной Европы. Это принесло свои плоды: удалось выяснить, что известный польский археолог, директор археологического музея во Вроцлаве – Ванда Сарновска, в монографии «*Раннесредневековые мечи в Польше*» (Sarnowska, 1955) упоминала однолезвийный балтский меч из коллекции Национального музея в Щецине⁴³. К сожалению, на фотографии из работы В. Сарновской были изображены только эфес меча и часть клинка у рикассо. Классификация эфеса по Петерсену не особо полезна при попытках угадать форму клинка, а и описание было крайне лаконичным – автор лишь сообщила, что это оружие было найдено в р. Одра. Изначально попытки найти какую-либо информацию об этом мече зашли в тупик – как выяснилось позже, за прошедшие с момента выхода монографии шестьдесят пять лет изменился его инвентарный номер. Тем не менее, дальнейшие поиски привели автора к статье «*Раннесредневековые мечи из собрания Национального музея в Щецине*» (Klimek, Kucypera, Kurasinski, Pudło, 2011)⁴⁴. Благодаря этой работе удалось узнать новый инвентарный номер меча и его детальное описание, а главное – впервые увидеть фотографию всего меча целиком: клинок был изогнут внутрь к режущей кромке!

Из переписки с сотрудниками музея удалось выяснить, что это меч типа-Н (Petersen, 1919) из фондов Народного музея в Щецине, инв. № MNS/A/22233 (старый инв. № 4511). Меч был найден рядом с островом Гродзка в старом русле Одры, носящем название Дунчица (Duńczysa). Возможно на берегу, как и немалая часть мечей, которые описаны как «найденные в реке». Размеры: общая длина 94,9см, длина клинка 79см, ширина клинка 4,23см, длина рукоятки 8,3см, вес 1040 гр. (Архивы: Отдел археологии MNS - папка № 1810; фоторамки; карточный каталог и инвентарный список археологических коллекций Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Altertumskunde). (Литература: Petersen 1919, 89-101⁴⁵; Łęga 1930, 205, 481⁴⁶; Nadolski 1954, 154-155, No. 64, табл. I: 3⁴⁷; Sarnowska 1955, 295, № 39, фиг.29⁴⁸; Żak 1960, 300-301⁴⁹; Leciejewicz, Wieczorowski 1983, 578⁵⁰; Świątkiewicz 2002, 18, No. 17⁵¹; Marek 2004, 113, No. 222⁵²; Klimek, Kucypera, Kurasiński, Pudło 2011, 300, 305-306, рис. 1: 3, 2: 5, 4: 1, 6: 4, 7: 2.⁵³). Как известно, город Щецин расположен в устье реки Одер (Одра), у Щецинского залива, на побережье Балтийского моря. Именно здесь согласно скандинавским сагам в X веке находилась крепость Йомсборг – цитадель полумифического братства викингов, известного как йомсвикинги, своей структурой, иерархией и законами напоминавшего Запорожскую сечь, или духовно-рыцарские ордена Высокого средневековья⁵⁴.

К сожалению, некоторые очень любопытные образцы оружия с вогнутым клинком по разным причинам были утеряны, как, например, типичный латвийский меч, фотографии и описание которого, датированные сороковыми годами XX века автор обнаружил в Немецком историческом музее (Deutsches Historisches Museum) в г. Берлин. Как и остальные собранные автором образцы, это однолезвийный меч с выраженным изгибом клинка по направлению к режущей кромке. Этот меч типа Z (Petersen)/тип VI (Wheeler) под инв. № 40.2349, датированный XI столетием, был приобретён как археологическая находка в Венгрии неким г-ном фон Берманном (von Bermann) в 1940 году. (Литература: ZH Rep. 1941: S. 156 f., Abb. Nr. 1⁵⁵; Quaas, König, 2011, p. 30-31⁵⁶). Из переписки с куратором Военного отдела Немецкого исторического музея Свенон Люкен (Sven Lüken) удалось выяснить, что, к сожалению, этого меча в музее уже давно нет, и всё, что от него осталось, это лишь фотографии, описание и история приобретения⁵⁷. Со слов г-на Люкена в 1945 году это меч, вместе с другими предметами вооружения, хранившимися в Берлинском Цейхгаузе, - бывшем здании арсенала, - был вывезен в СССР советскими войсками, и его сегодняшнее нахождение сотрудникам музея неизвестно. Автор решил проследить его дальнейшую судьбу, и выяснил, что в 1958 году часть коллекции Berlin Zeughaus была возвращена в ГДР. Но после 1990 года возврат коллекции был остановлен. Меч № 40.2349 назад не вернулся. Не исключено, что сегодня этот меч,

как и многие другие вывезенные из Германии образцы оружия, может находиться в запасниках Артиллерийского музея (г. Санкт-Петербург), или ГИМ (г. Москва). Любопытно, что, судя по фотографиям, это типично балтийский однолезвийный меч, с характерным «фальшионным» расширением клинка к острию и популярным у балтов эфесом Z-типа (Petersen, 1919). Брат-близнец многочисленных мечей этого типа, хранящихся в музеях Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии. То, что он был обнаружен в Венгрии, как раз не вызывает удивления - о развитых торговых и культурных связях Венгрии со странами, лежащими у балтийского моря, рассказывает работа известного венгерского археолога Иштвана Фодора (Fodor, 1986)⁵⁸. К сожалению автору не удалось найти какую-либо дополнительную информацию об этом мече в работах по археологии Венгрии 1930х-1940-х гг.⁵⁹.

Следует отметить, что находки балтских мечей периода викингов в разных странах Европы, не редкость. Так, например, в связи с этим можно упомянуть датированный XI в. латвийский меч Z-типа, с расширением клинка к острию из коллекции Археологического музея в г. Познань (Польша). (T.Kurasiński, P.Pudło, M.Rychter, 2011)⁶⁰. К сожалению, от меча остались лишь эфес с частью клинка, явно расширяющегося по направлению к острию. Однако, в связи с тем, что вторая половина клинка отсутствует, выяснить, имел ли этот меч изгиб, не представляется возможным. Как и у многих других сохранившихся однолезвийных мечей со значительными утратами.

Осуществлению дальнейших поисков помогли оцифрованные фотоархивы данных шести норвежских музеев: Arkeologisk Museum (Stavanger), Kulturhistorisk Museum (Oslo), Naturhistorisk Museum (Oslo), Tromsø museum Universitetsmuseet, Vitenskapsmuseet (Trondheim), Universitetsmuseet (Bergen). В результате тщательного просмотра нескольких тысяч фотографий мечей, автор обнаружил ещё около полутора десятков мечей с предположительно вогнутыми клинками. Несколько месяцев длилась переписка с музеями, в фондах которых находились «вогнутые» мечи. В результате, благодаря любезной помощи сотрудников норвежских музеев – реставраторов и консерваторов, работавших с этими мечами, из первоначальных предположительно вогнутых пятнадцати образцов, часть пришлось отсеять – например мечи S22720a (Støveren)⁶¹, B12570 (Vollåker)⁶², T14039⁶³ и T18576⁶⁴. Их вогнутость на фотографиях на проверку оказалась лишь удачным углом съёмки, создавшим причудливую оптическую иллюзию, или позднейшими деформациями. Но, тем не менее, даже после тщательной проверки и последующего отсева осталось семь мечей эпохи викингов с вогнутыми клинками.

В описании некоторых мечей присутствует упоминание изначального внутреннего изгиба клинка, - там, где подобное описание отсутствует, автор в первую очередь опирается на экспертное мнение сотрудников музея, а также, на любезно предоставленные музеем дополнительные фотографии клинков в высоком разрешении, сделанные в разных ракурсах. Неоценимую помощь автору оказали директор отдела археологии норвежского Культурно-исторического музея, профессором Анн Жанетт Глёрстад, и Вегард Вике – археолог, специалист по консервации и реставрации оружия:

C34018a. Тип «М» (Petersen, 1919). Был обнаружен на глубине 1,5м. в 1969 году во время строительных работ в местечке Йьерпен (коммуна Шиен, губерния Телемарк). Общая длина – около 90 см; длина клинка – 79см; ширина клинка – 43мм; длина перекрестья – 91мм; длина навершия – 83мм

C7661. Тип «В» (Petersen, 1919). Обнаружен на участке фермы Кварберг, (коммуна Рингсакер, губерния Хедмарк); длина клинка – 71см; ширина клинка – 45мм⁶⁵.

C16001. Найден на ферме Ярстад (№47) (г.Слидре, коммуна Вестре-Слидре, губерния Оппланн), в западной части Восточной Норвегии. Длина клинка 78см; ширина клинка – 50мм; длина рукоятки – 95мм; длина перекрестья -85мм; длина навершия – 75мм. Из музейной описи следует, что клинок имеет внутренний изгиб⁶⁶.

C2008. Найден на участке фермы Альфстад в восточной части Слидре. в регионе Валдрес, в западной части Восточной Норвегии. Общая длина – 89см, длина клинка – 76см⁶⁷.

C5621. Найден в кургане (Бренне, приход Холлен, округ Братсберг). Длина клинка – 74,93см. ; ширина клинка – 38,1мм. Этот меч кроме изначального оригинального внутреннего изгиба также имеет и позднейшую деформацию – клинок немного согнут в двух местах.

C29167. Тип «С» (Petersen). Найден фермером Торвальдом Бренденом на ферме Хуллеберг (муниципалитет Нес, губерния Хедмарк). Общая длина – 99,2см, длина клинка – 82,6см, длина крестовины – 7,5см, длина поммеля – 7,5см⁶⁸.

C3787. Обнаружен в 1865 году во время раскопок на ферме Асак Вестре (коммуна Скедсмо, в исторической области Румерике - современный муниципалитет Акерсхус). Часть навершия утеряна. В описании меча из музейного каталога отмечено, что «клинок имеет кривизну, и изогнут по направлению к режущей кромке»⁶⁹.

И наконец, «last but not least», можно упомянуть любопытный меч, обнаруженный автором в нормандском городке Шалон-сюр-Сон (Châlon-sur-Saône), в экспозиции музея Виван Денон (Musée Vivant Denon). Образец, известный как D. 99.9.3, это датированный IX-X вв. похожий на большой «сакс» однолезвийный нормандский меч, относящийся к

типу X (Petersen, 1919), ну, а главное, судя по любезно предоставленным музеем фотографиям и комментариям, с клинком, возможно имеющим внутренний изгиб. Длина клинка – 82см, ширина – 38-40мм. Для дальнейших консультаций автор списался с известным французским археологом и оружейником, доктором наук Фабрисом Коньо (Fabrice Cognot), изучавшим это оружие, и даже выковавшим его копию. Он подтвердил необычную форму клинка, но также предположил, что эффект вогнутости мог появиться и за счёт «симбиоза» изогнутого обуха и возможных утрат режущей кромки. Правда, доктор Коньо не был категоричен, и не исключает возможность появления вогнутости именно как изначального конструктивного решения⁷⁰. Поэтому вопрос с этим мечом не закрыт, и требует дополнительных исследований. Следует отметить, что формой клинка и типом эфеса меч D. 99.9.3 напоминает как оружие Ги I, так и вооружение воинов из пасхального свитка Latin MS2 из Южной Италии. Что косвенно подтверждает предположение о возможности бытования подобного типа мечей. Не исключено, что вооружённые этим типом мечей воины с итальянского свитка также прибыли из Нормандии - ведь первые нормандцы, возвращавшиеся из крестового похода, появились в Южной Италии – в Салерно, как раз в конце X века, в 999 году. Ну, а вскоре, уже в 1030 году, на юге Италии был основан первый нормандский фьеф - государство Аверса⁷¹. Следует отметить, что как минимум ещё один подобный меч (инв. № C21660), формой клинка напоминающий «сакс», находится в фондах Культурно-исторического музея в Осло (Норвегия). Это однолезвийный меч длиной 650 мм, с типично балтским эфесом типа G (Petersen)⁷².

Как автор уже отмечал выше, на данный момент не существует убедительных доказательств, свидетельствующих о том, что необычная вогнутая форма клинков всех этих мечей – и латвийских, и эстонских, и финского, и польского, и норвежских, - могла быть как-то связана с ритуальной деформацией, типичной, скажем, для погребального инвентаря трупосожжений. Тем более, что, подобные деформации всегда проводились исключительно и только в плоскости клинка, по направлению к рикассо, а не вдоль обуха. Пару лет назад польские археологи исследовали латвийский меч позднего Железного века Z-типа (Petersen, 1919) из коллекции Археологического музея в Познани (Muzeum Archeologiczne w Poznaniu). Анализ клинка показал, что содержание углерода колеблется от 0,25% на обухе, до 0,48% в районе режущей кромки⁷³. Что соответствует уровню среднеуглеродистой стали. Металлографический анализ девяти норвежских мечей эпохи викингов из коллекции Университета Осло показал, что нередко сталь мечей содержала 62%, 67% и 69% углерода. а в клинках мечей известных как «Ульфберт» (“Vlfberht”), содержание углерода доходило и до 75%⁷⁴. Попытаться согнуть к режущей кромке

массивный стальной однолезвийный меч или «сакс» шириной 30-60мм с толщиной клинка в обухе 5-8 и более миллиметров, пусть даже со сниженной твёрдостью - занятие достаточно иррациональное и бессмысленное.. Даже в погребениях с трупосожжениями, когда в огне погребального костра под влиянием высоких температур происходил отжиг стали с последующим снижением твёрдости, ни в одной стране и ни в одну эпоху среди археологического материала не встречается оружие с таким типом деформации. Клинки обычно ломали (разбивали) пополам или на несколько частей. Ритуал погребального обряда не предписывал каким именно способом должен быть согнут или разбит инвентарь – горшки, мечи, копья. Главное, чтобы они были приведены в негодность, - символически «убиты» и «мертвы», как и их владелец, чтобы потом воссоединиться с ним в загробной жизни⁷⁵. К тому же, в контексте погребального обряда, нет совершенно никакого смысла в том, чтобы сгибать меч на лишь десяток градусов, так как в таком виде он даже с натяжкой явно не мог считаться сломанным – т.е., «мертвым».

Конечно, чисто гипотетически можно рассмотреть и предположение о механических повреждениях, полученных, скажем, под весом почвы. Однако, эта версия маловероятна, не выдерживает критики, и автор, как оружейник, относится к ней крайне скептически.. Для того, чтобы клинки согнулись ровно по обуху, да ещё и не отклоняясь даже на несколько градусов в сторону от оси, мечи в могильнике должны были быть жёстко зафиксированы в чём то, похожем на слесарные тиски под определённым углом. Уже не говоря о том, что давление почвы для возникновения подобных деформаций, особенно учитывая незначительную толщину обуха, должно было быть просто огромным. А ведь часть этих предметов даже не относится к погребальному инвентарю, а была утеряна и лежала на поверхности. Кроме того, закономерные сомнения вызывает наличие абсолютно идентичных случайных деформаций, причём на оружии одного типа, эпохи и региона.

Таким образом, вогнутость клинка, как изначальный конструктивный элемент, на данный момент является единственной наиболее рациональной и аргументированной версией.

Боевые ножи

Нельзя не вспомнить и большие боевые ножи эпохи викингов.- с клинками изогнутыми к режущей кромке, как и у описанных выше мечей. Ножи этого типа – встречаются не так часто, но они есть. Так, например, из латвийских находок можно упомянуть нож A 9736:9 из датированного IX-XII вв. могильника латгалов в Званулею (Tirzas Zvanuleju senkapī, VAN 869) в районе г. Гулбене. Ещё один большой вогнутый нож VI 56:382 был найден в могильнике XI-XIII вв. Лейасдопелю (Selpils Lejasdopelu

(Vigantes), VAN 133), Яунелгавский уезд⁷⁶. Несколько боевых ножей с клинками, изогнутыми к режущей кромке, были обнаружены в г. Саласпилс в захоронении даугавских ливов “Лауксколас” (Laukskolas kapulauks), датированном X-XII вв⁷⁷. Основной фактор, позволяющий классифицировать эти ножи как боевые, это в первую очередь типичная для «саксов» длина клинков - 20-45см. Следует отметить, что и Алексис Антейнс и Эльвира Шноре – латвийские исследователи, описывавшие «саксы» из Лейасдопелю и Саласпилса, - несмотря на относительно небольшой размер этого оружия, в своих работах называли их не «ножами», а «однолезвийными мечами» («vienasmens zobens», «vienpusigais zobens» лат.яз).

Большой боевой нож, также обладающий вогнутым клинком расширяющимся к острию, автор обнаружил в итальянском музее Леньяго (Fioroni Museum Foundation, Legnago), неподалёку от Вероны. К сожалению, информации о нём немного, и провенанс этого массивного ножа длиной тридцать пять см. (Morazzoni 2010⁷⁸; Fioroni 2008⁷⁹) неясен. Также есть вопросы к атрибуции и датировке.

Конечно, большие ножи с вогнутыми клинками в эпоху позднего «железа» не редкость – они бытовали и у скандинавов, и у балтских племён, и у кочевников. Так, например, можно вспомнить боевой вогнутый нож (длина клинка 21см) из белорусского музея «Берестье»⁸⁰, датированный XI столетием, вогнутый боевой нож XI-XII вв. из Вышгородского исторического музея, большой боевой нож с вогнутым клинком (М-3, общая длина предмета 430 мм; длина клинка 358 мм; ширина клинка 20–24 мм; толщина спинки клинка 5,2–7,4 мм; вес 200 г.) из грунтового могильника с кремациями Малли в Псковской области⁸¹ и тд. Ещё один большой боевой нож периода викингов с клинком значительной кривизны, изогнутым к режущей кромке, автор обнаружил в Лондонском музее. Надо отметить, что изображение этого необычного однолезвийного ножа стало уже почти хрестоматийным, и часто используется в качестве иллюстративного материала в работах о холодном оружии эпохи викингов. В том числе, его изображение среди прочих боевых ножей фигурирует и в монографии Р. Э. М. Уилера «London and the Saxons» (Wheeler, 1935)⁸². Этот нож (Ref 18-2849 инв. № A10485) представляет собой случайную находку, и был обнаружен в р. Темза, предположительно, на берегу (Литература: Р. Е. М. Wheeler, 1935. Pl. XIII, no. 5 p.180). Известно, что Лондонский музей приобрёл этот боевой нож в 1913 году. Общая длина 772мм, длина клинка 610мм, ширина 44 мм.

Любопытно, что на изображении из работы Уилера клинок выглядит неповреждённым, а в наши дни на обухе хорошо видны два крупных скола. Не исключено, что оружие могло получить эти повреждения во время Второй Мировой войны, при эвакуации коллекции. Но также возможно, что утраты уже существовали и

раньше и просто были замаскированы - известно, что в 1980 году этот «сакс» проходил консервационную обработку, и в отчёте упоминается, что были удалены части воска⁸³. Таким образом не исключено, что сколы клинка на фото 1935 года были заделаны воском, благодаря чему оружие и выглядело неповреждённым. С точки зрения главного куратора отдела Средневековья и Нового времени Лондонского музея, г-жи Х. Форсайт (H. Forsyth), вогнутость клинка этого скрамасакса тоже является изначальным конструктивным элементом, а не позднейшей деформацией⁸⁴.

В процессе сбора материала автор обнаружил ещё несколько крайне любопытных европейских образцов длинноклинкового оружия с вогнутым клинком, относящихся к более позднему периоду. Так, например, среди этих находок можно упомянуть датированную XIV-XV вв. саблю инв. № I 4794 CMV, хранящуюся в музее сербского города Вршац, расположенного почти на границе с Румынией. Клинок длиной 68,3 см значительно изогнут внутрь, по направлению к режущей кромке (Литература: Markov, Petrovoic, 2012. p.66. Pic. 66)⁸⁵. В своё время немало публикаций было посвящено датированной XII в. железной сабле обнаруженной при раскопках в районе Донецка – «Текстильщик» в 1975 году экспедицией под руководством В.Н. Даниленко. Из описания следовало, что на «протяжении 2/3 клинка (66,7 см) лезвие сабли вогнуто, а нижняя часть плавно выгнута». Некоторые авторы отмечали, что «клинок сабли из Текстильщика по своей форме чрезвычайно напоминает ятаган⁸⁶. Также эта сабля со ссылкой на отчёт упоминается в работе о происхождении ятагана А. Баркана и С. Самгина⁸⁷. Однако, насколько автору известно – отчёт по донецкой экспедиции 1975 года не был сдан. Сам предмет канул в Лету – возможно он и хранится где-то в глубинах запасников одного из донецких музеев, однако никакой информации об этом нет. Фотографий и других изображений не существует. Всё что есть – это единственная крайне схематичная зарисовка и только в одном ракурсе. Таким образом, невозможно достоверно установить, в результате каких факторов был сформирован изгиб, и был ли это изгиб, а не позднейшая деформация. В данном случае, в связи с отсутствием информации и самого предмета, любые наши попытки определения типа этого оружия не могут выйти за рамки осторожных предположений. Большая часть подобных «ятаганных» изгибов, даже на качественных фотографиях, на поверку, как правило, оказывались следствием различных деформаций клинка. Ну, а рисунки нередко базировались на концепции «художник так видит». Так, например, можно вспомнить зарисовку однолезвийного меча С.2622 из работы О. Рига.⁸⁸ На рисунке совершенно очевидно виден значительный равномерный изгиб клинка внутрь, по направлению к режущей кромке. Однако, если рассмотреть этот меч в экспозиции Культурно-исторического музея в Осло (Норвегия), то можно

убедиться, что обух практически прямой, лишь со скосом у острия, и никакого «ятаганного» изгиба там нет.

Как классифицировать эти уникальные мечи? Как фалькаты? Фальшионы? Флиссы? Сабли? Просто сделать вид, что их не существует, или традиционно втиснуть в Прокрустово ложе какого-нибудь типа лишь на основании формы эфеса? Приписать к ножам? В идентификации по длине клинка и в вечном вопросе «нож или меч», даже среди советских исследователей не существовало консенсуса. Об этой проблеме ещё в 1988 году писал известный литовский исследователь Витатутас Казакиявичус (Казакиявичус, 1988). Так, он отметил, что в литовской специальной литературе под критерий «боевых» попадают ножи с клинком не короче 20см., в то время как оружие, превышающее в длину 50см, уже классифицировалось как меч. В Эстонии как «боевые» классифицировались ножи с клинком, превышающим в длину 25см, а с точки зрения финских археологов боевыми могут считаться все ножи длиннее 20 и короче 80см⁹⁰.

Также в 2000 году эту проблему обозначили А.В. Евглевский и Т.М. Потёмкина (А.В. Евглевский и Т.М. Потёмкина, 2000): «Нельзя не обратить внимание на существование проблем в терминологии рубяще-колющего оружия средневековья и сабли в частности. Еще в 80-е годы многие авторы отмечали отсутствие единообразия в терминологии, недифференцированный подход к различным видам рубяще-колющего вооружения, что препятствует адекватному восприятию материала, за тушевыывает принципиальные моменты»⁹¹. И далее продолжают: «для исследователя нет четких различий между мечом, палахом и саблей. К сожалению, подобных примеров немало»⁹². Также авторы отмечают сумбур, возникший после того, как в 1946 году Б.А. Рыбаков переименовал однолезвийные мечи в «палаши», после чего ряд археологов последовал его примеру⁹³.

Некоторые исследователи благодаря отсутствию единства мнений, целенаправленно используют классификацию из терминологических глоссариев иностранных оружейных традиций, и в результате, заведомо вводят читателей в заблуждение, плодят химер и запускают в научный оборот дублирующие термины. Т.е., самые заурядные иноязычные синонимы, что даёт широкие возможности для толкований. Как следствие из ниоткуда внезапно материализуются десятки «новых образцов» холодного оружия. При этом количество трактовок ограничено лишь количеством названий того или иного образца оружия в разных языках. Скажем в скандинавских сагах – одном из наиболее важных источников, - кроме общегерманского названия меча “sverd”,

мы встречаем и такие термины, как “brynju-bitr”, “eyfara-nautr”, “ketlingr”, “ niðungr ”, “rostungr”, “steypir”, “tuma-nautr”⁹⁴ и другие – огромный простор для недобросовестного толкования. Начиная с середины XIX века многие, преимущественно англоязычные исследователи истории оружия, издавая работы, вводили в оборот свои термины, а в последующие десятилетия переводчики усугубляли сумбур, подбирая наиболее близкие по смыслу, как им казалось, синонимы из родного языка. Поэтому, автор считает все эти языковые манипуляции общеупотребительными терминами «нож», «меч», «sword», «kard», «espada» «coltelas», «тесак» и тд, или же (особенно в контексте этнического холодного оружия) региональными названиями – словесной эквилибристикой, заурядными терминологическими играми, относящимися скорее к области лингвистики и филологии, и не имеющими никакого отношения к типологии.

А.В. Евглевский и Т.М. Потёмкина в своей работе «Восточноевропейские позднесредневековые сабли» рассматривают основные критерии, используемые археологами при определении отличий однолезвийных мечей и ранних сабель. Авторы отмечают, что одним из наиболее важных факторов ряд археологов считает наличие кривизны клинка⁹⁵. Другие исследователи склонны считать саблями все раннесредневековые однолезвийные мечи, даже с прямым клинком и прямой рукояткой. Но чем тогда является длинный однолезвийный меч VIII- XI вв. с вогнутом клинком: мечом? Палашом? Ножом? Саблей? Но тогда уж почему не махайрой, кописом или фалькатой. Как и по каким критериям классифицировать это оружие? Некоторые исследователи считают, что основной критерий, в «принципиальной разнице характера удара сабли и меча»: сабельный удар, в первую очередь «скользящий, режуще-секущий», а также, «позволяет обе его фазы (поражение и извлечение) производить в один приём»⁹⁶. Однако, следует отметить, что это точная характеристика удара японских «тати», «катаны», «вакидзаси», «одати», а также, многих образцов длинноклинкового оружия Китая и Юго-Восточной Азии, которые традиционно классифицируются как ...«меч». И мы снова попадаем в классификационную и терминологическую «ловушку».

Говоря о терминологии, автор считает, что в первую очередь следует отталкиваться от терминов, изначально использованных ранними исследователями. Скажем, в Норвегии, это несомненно пионеры норвежской археологии - Олуф Риг (Oluf Rygh) и Хокон Шетелиг (Haakon Schetelig). И тот и другой, описывая в своих работах однолезвийные мечи периода викингов, вне зависимости от длины клинка, называли их исключительно «enegget sverd» - однолезвийный меч. В работе Шетелига для обозначения коротко или среднеклинковых однолезвийных мечей используются термины «litet enegget sverd» («небольшой однолезвийный меч»), или «kort enegget sverd» («короткий однолезвийный

меч»)⁹⁷. И Олуф Риг (Oluf Rygh) в «Норвежских древностях» (“Antiquites Norvegiennes”, 1885) для обозначения коротко-, средне- и длинноклинковых однолезвийных мечей использует только термин «enegget sverd»⁹⁸.

Хотя термин «сакс» (“sax”) и встречался в сагах, например, в «Старшей Эдде», однако при этом указано, что имеется в виду «однолезвийный меч» («enegget sverd»)⁹⁹. Также и известный норвежский историк второй половины XIX века А. Э. Эриксен (Eriksen, 1868) уточняет, что «Саксом древние норвежцы называли широкие и короткие однолезвийные мечи»¹⁰⁰.

И сегодня в каталогах и описях Культурно-исторического музея в Осло для обозначения норвежских однолезвийных мечей всё так же используется термин «enegget sverd» - т.е., «однолезвийный меч». Не «нож» не «сакс» – а именно меч. В каталогах шведских и датских музеев также фигурируют термины «eneggad svärd» и «enægget svärd» соответственно. То есть, всё тот же «однолезвийный меч». Хотя в то же время в витринах этих музеев рядом с однолезвийными мечами лежат предметы, атрибутированные как «kniv» («нож»), «skramasax» («скрамасакс»), и «varenkniv» («боевой нож»).

Также и в описи Берлинского Цейхгауза латвийский вогнутый меч фигурировал как «einschneidiges schwert» - однолезвийный меч. И в этом случае мы видим не «scramasax», «messer», «langmesser (lange messer)» и тд, а именно «меч». Однолезвийный меч («jēdnosieczny miecz») фигурирует и в каталоге польского Народного музея в Щецине, и в описях Латвийского Национального Исторического музея («vienasmens zobens»). Хотя рядом с этими латвийскими мечами в экспозиции можно увидеть и большие боевые ножи («kaujas nazis»).

Также, автор хотел бы отметить, что, например, иберийские фалькаты, или греческие махайры и кописы, - т.е., точно такие же однолезвийные мечи, обладающие аналогичными типобразующими признаками, причём нередко со значительно более короткими клинками длиной всего 50-60 см, в оружейных традициях практически всех стран всегда классифицируются исключительно как мечи. Как, собственно, и фальшионы. Единственное, что отличает, скажем мечи-фальшионы II типа, с прямым обухом (тип Conyers), от их идентичных близнецов - балтийских боевых ножей земгалов, латгалов, селов и жемайтов IX-XII вв., - это именно наличие эфеса с развитым перекрестьем и с навершием.

Поэтому, автор полагает, что и в этом случае не стоит всё усложнять, лишний раз множить Оккамовские сущности и создавать путаницу: если длинный вогнутый клинок

VIII-XI вв. обладает всеми признаками меча этого периода и региона – типичным для него эфесом, а также, размерами, весом, ножнами, типом подвеса, - то скорее всего, это всё-таки не «нож», а «меч».

Иконография

Находка мечей с вогнутыми клинками может внести коррективы в отношении раннесредневековой оружейной иконографии. Ведь то, что ещё недавно можно было объяснить причудливой и бizarной фантазией иллюстратора, архаичными иконографическими канонами, стилизацией или заурядным дефектом бумаги или пергамента, теперь вполне может оказаться изображением реально существовавших мечей. Как, например, в своё время это произошло с достаточно необычными образцами вооружения из «Библии Мациевского»¹⁰¹, историчность которых была подтверждена археологическим материалом. Так, например, можно упомянуть изображение меча с вогнутым клинком в датированной началом XII столетия рукописи византийского хрониста Иоанна Скилицы¹⁰². Любопытно, что эта рукопись, известная как Мадридская Скилица, появилась на свет на Сицилии, в городе Палермо, а вогнутый меч держит в руке солдат из отряда византийцев, осаждающих захваченную арабами крепость в южно-итальянском городе Амантия в Калабрии. То-есть, неподалёку от места, где в тот же период появился на свет пасхальный свиток из библиотеки Манчестера. Другой вогнутый меч можно увидеть в руках воина на одной из иллюстраций к «Silos Apocalypse» («Толкованию на Апокалипсисе»), вышедшего из-под пера Беата Лиебанского – испанского священника и богослова, и изданного всё в тот же временной отрезок: между 1091 и 1109 гг¹⁰³. Ещё одно изображение однолезвийного меча с вогнутым клинком можно увидеть на миниатюре из датированного XIII столетием (1224 г.) арабского перевода трактата древнегреческого врача и фармаколога Педания Диоскорида, «Materia Medica»¹⁰⁴. Эфес меча с круглым навершием скорее типичен для византийских мечей этого периода (Bruhn Hoffmeyer, 1966)¹⁰⁵, а вот клинок мог бы быть вогнут внутрь к режущей кромке.

Также, возможно, придётся пересмотреть устоявшуюся традиционную модель генезиса некоторых образцов холодного оружия последующих веков. Например, не исключено, что именно этот тип мечей послужил прототипом для ранних оттоманских ятаганов. Судя по относительной малочисленности найденного археологического материала, эти мечи могли являться, некими символами статуса, власти, принадлежности к определённой социальной группе или сословию. Возможно, вогнутая форма клинка несла какой-то неизвестный нам сегодня сакральный смысл, или же являлась отголоском

и рудиментом архаичных верований¹⁰⁶. Автор, также не исключает, что подобный символизм одновременно мог существовать в разных регионах мира. Ведь и османские ятаганы впервые, в XV веке, появились только у султанов, затем, значительно позже, у высокопоставленных офицеров и придворных чиновников, потом ими вооружили офицеров рангом пониже, и только уже в самом конце XVII - начале XVIII в., это оружие попало к простым янычарам¹⁰⁷. Следует отметить, что форма клинка самого раннего известного на сегодня ятагана, принадлежавшего султану Баязиду II – с расширением к боевому концу¹⁰⁸, была практически идентична вогнутой форме клинков балтских мечей X-XII вв.

На основании вышесказанного, есть веские основания утверждать, что в VIII-XII веках на территории некоторых стран Северной Европы мог производиться и бытовать уникальный тип однолезвийных мечей с клинком, изогнутым внутрь, по направлению к режущей кромке, иногда с расширением к боевому концу. Морфология предметов позволяет выделить эти мечи в отдельный тип. Несли ли эти вогнутые клинки какую-либо функциональную, ритуальную, обрядовую или иную нагрузку на данный момент неизвестно, и требует дополнительных исследований.

Фотографии всех пятнадцати мечей будут размещены в журнальной версии

COPYRIGHT@DENIS_CHEREVICHNIK, 2021

---

¹Collections, Finnish Heritage Agency); Sven Lüken - Head of Military Department (Deutsches Historisches Museum); Fabrice Cognot - French archaeologist (PhD), bladesmith; Fanny Garbe - Chargée de communication et promotion (Bayeux Museum); Catherine Michel - Documentation / conditionnement archéologie (Musée Denon); Anna Bogumiła Kowalska - Adiunkt, Dział Archeologii (Muzeum Narodowego w Szczecinie); Tomasz Kurasinski (Instytut Archeologii i Etnologii PAN); Hazel Forsyth - Senior Curator, Medieval & Post-Medieval (Museum of London), Franziska Weinel - Diplom-Museologin (FH) - Fachbereich Militaria

- (Stiftung Deutsches Historisches Museum); Marika Mägi- Archaeologist (PhD), Archaeologist (PhD), Centre for Medieval Studies Institute of History, Archaeology and Art History, School of Humanities, Tallinn University; Mati Mandel – historian, archaeologist, curator of the Estonian Historical Museum; Normunds Jērums – Director of Tervete History Museum; Ülle Tamla - Senior Treasurer. Archaeological Research Collection of Tallinn University; Andres Tvauri - University of Tartu, Archaeology Department, Faculty Member; Esa Mikkola, Museovirasto
- ² Willemssen, Annemarieke, Vikings!: raids in the Rhine/Meuse region 800-100, Utrecht : Centraal Museum, 2004
- ³ Proceedings of the Royal Irish Academy. v.28, Dublin: Hodges, Figgis & Co., 1910. - pp.108-112
- ⁴ Petersen, Jan, De Norske Vikingsverd, Oslo: Dybwad in Komm, 1919. – P. 66-68
- ⁵ Collegium Mediaevale, Interdisciplinary Journal of Medieval Research, Vol. XV-XVI, 2002. – P. 66
- ⁶ Isotopic provenancing of the Salme ship burials in Pre-Viking Age Estonia // Antiquity, Volume 90, Issue 352, August 2016, pp. 1022-1037
- ⁷ Fragments of 100 Viking swords unearthed in north Estonia [Электронный ресурс] // BNS 29.09.2019. URL: <https://news.err.ee/986495/fragments-of-100-viking-swords-unearthed-in-north-estonia> (Дата обращения: 30.11.2019).
- ⁸ Kim Hjarðar, Vegard Vike, Vikings at war, Oxford & Philadelphia: Casemate Publishers, 2016. – p. 171
- ⁹ Там же
- ¹⁰ Oakeshott, Ewart, Swords of the Viking age, Woodbridge: The Boydell Press, 2002. - P. 40
- ¹¹ Boeheim, Handbuch der Waffenkunde: das Waffenwesen in seiner historischen Entwicklung vom Beginn des Mittelalters bis zum Ende des 18. Jahrhundert, Leipzig: verlag von E. A. Seemann, 1890.
- ¹² Там же, с. 237, Рис. 270b).
- ¹³ John Collingwood Bruce, The Bayeux Tapestry Elucidated, London: John Russel Smith, 1856. - стр.45
- ¹⁴ Nicolle, David, Arms and Armour of the crusading era, 1050-1350, London: Greenhill Books, p. 250, Fig. 661A-B., 1999.
- ¹⁵ Там же
- ¹⁶ B. Nerman. Grobin-Seeburg, Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958.
- ¹⁷ Jērums, Normunds, Vienasmens zobeni zemgaļu apdzīvotajās. teritorijās. Pētījumā aplūkoti 9.–12. gs. // Arheologija un Etnografija. Rīga, 2011. – 25 Laid. – с. 145, рис. 4/V.
- ¹⁸ Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев: Абрис, 1999. – С. 189, рис. 46-1.
- ¹⁹ Отчёт о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 г. Институт археологии АН УССР. – С. 218-219, таб. 115/116.
- ²⁰ Boy, Carl, Bericht uēber Ausgrabungen auf dem Kronsgute Beemalden in Kurland, Mitau: T.F. Steffenhagen und Sohn, 1896.
- ²¹ Nerman, Birger, Die Verbindungen zwischen Scandinavien und dem Ostbalticum in der jūngerer Eisenzeit // KVHAAH. 1929
- ²² Anteins, Aleksis, Damascētie un ierakstu zobeni Latvijā un to asmeņu tehnoloģija, — Par tehnikas vēsturi Latvijas PSR, VI. Rīgā, 1964
- ²³ Anteins, Aleksis, Melnais metāls Latvijā . Rīga: Zinātne, 1976.
- ²⁴ Kazakevičius Vytautas, IX–XIII amžių baltų kalavijai. Vilnius: Alma Littera, 1996
- ²⁵ Atgāzis, Māris, Tuvcīņas ieroči senajā Latvijā 10.—13. gadsimtā, : disertācijas kopsav. : [publ. saīs.] / Māris Atgāzis. - (Zinātnes dzīve) // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. - ISSN 1025-8906. - Nr. 2 (1998)

²⁶Медведева, Мария, Археологическое изучение древностей Латвии в документах второй половины XIX – начала XX в. Из фондов Научного архива Института истории материальной культуры РАН // *Arheoloģija un etnogrāfija* # XXIV, Riga: Zinatne, 2010. – С. 154-170.

²⁷Jerums, Normunds, Jerums, Normunds, Vienasmens zobeni zemgaļu apdzīvotajās. teritorijās. Pētījumā aplūkoti 9.–12. gs. // *Arheoloģija un Etnogrāfija*. Riga, 2011. – 25 Laid. – с. 143, рис. 3/IV.

²⁸«Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом, № 7-8, Москва: Типография А. И. Мамонтов, 1896. - Стр. 250-253

²⁹*Bibliographie der Archäologie Liv-, Est- und Kurlands*, Riga: W. F. Hacker, 1896. - p. 4

³⁰*Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*, Fünftehnter Band, Riga: Nicolai Kymmels Buchhandlung, 1893. – P.480, T. XIII: Fig.4

³¹*Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896*, Riga: Druck von W. F. Häcker, 1896. Taf. 24:4

³²Mandel, Mati, Eesti 8.-13. Sajandi mõõkade tüpoloogiast ja dateerimisest. – Muinasaja. Teadus nr. 1. *Arheoloogiline kogumik*. Tallinn: Ajaloo Instituut, 1991. p.112-113, Tahvel XIII:2

³³*Documenta archaeologica Wolfgang La Baume dedicata 8.II.1955*, Bonn: Ludwig Rohrscheid, 1956. – p. 134

³⁴Selirand, Juri, Bestattungsbräuche der Esten während der Entstehung frühfeudaler Verhältnisse 11.-13. Jh., Kirjastaja Eesti Raamat, 1974. – p. 160

³⁵Tvauri, Andres, The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia // *Estonian archaeology*, IV, Tartu University Press, 2012, p. 182, Fig. 150: 3

³⁶Moora, Harri, Eestlaste kultuur muistsel iseseisvus-ajal, Tartu Ülikooli Arkeoloogia kabineti toimetused ; 4, Tartu : Loodus, 1926. P. 26

³⁷Paulsen, Peter, Axt und Kreuz bei den Nordgermanen, Berlin: Ahnenerbe-Stiftung-Verlag, 1939. p. 148-149.

³⁸*Documenta archaeologica Wolfgang La Baume dedicata 8.II.1955*, Bonn: Ludwig Rohrscheid, 1956. – p.124

³⁹Mandel, Mati, Eesti 8.-13. Sajandi mõõkade tüpoloogiast ja dateerimisest. – Muinasaja. Teadus nr. 1. *Arheoloogiline kogumik*. Tallinn: Ajaloo Instituut, 1991. p.112-113, Tahvel XIII:2

⁴⁰Hilisrauaaeg. Eestlaste muistsed rauakuningad – raud, sepiised ning relvad. URL: <http://muinasaeg.blogspot.com/p/hilisrauaaeg.html> (Дата обращения 12.07.2010).

⁴¹Urjala Velkala 4: Rautakautisen polttokalmiston koekaivaus 15.-18.7.2019 https://www.kyppe.fi/palveluikkuna/mjhanke/read/asp/hae_liite.aspx?id=116847&tyyppi=pdf&kansio_id=887 (Дата обращения 20.09.2020)

⁴²Esa Mikkola, Z-type sword from Pirkanmaa. Личная переписка (15-25 января, 2021)

⁴³Sarnowska, Wanda, Miecze wczesnośredniowieczne w Polsce // *Swiatowit*, Tom XXI, red. W. Antoniewicz, Warszawa 1955. С. 243-244. Рис. 29.

⁴⁴Kucypera, Pawel; Kurasinsky, Tomas; Klimek, Leszek; Pudlo, Piotr, Wczesnosredniowieczne miecze ze zbiorow Muzeum Narodowego w Szczecinie w świetle ponownej analizy typologiczno-chronologicznej i technologicznej, *Rocznik Naukowy Muzeum Narodowego w Szczecinie Nowa Seria tom VI/VII (2009/2010) 2011, zeszyt 1 Archeologia Szczecin.* – p. 312, fig. 1: 3; 2:5.

⁴⁵Petersen, Jan, *De Norske Vikingsverd*, Oslo: Dybwad in Komm, 1919. – P. 89-101

⁴⁶Łęga, Władysław, *Kultura Pomorza we wczesnym sredniowieczu na podstawie wykopalisk*. Toruń: Nakładem Towarzystwa Naukowego, 1930. p. 205, 481.

- ⁴⁷ Nadolski, Andrzej, *Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku*, Łódź : Zakł. im. Ossolińskich, 1954. P.154-155, No. 64, табл. I: 3
- ⁴⁸ Sarnowska, Wanda, *Miecze wczesnośredniowieczne w Polsce // Swiatowit, Tom XXI*, red. W. Antoniewicz, Warszawa 1955. p. 295, № 39, fig.29
- ⁴⁹ Żak, Jan, Problem pochodzenia mieczów tzw. "wikińskich" na ziemiach zachodniosłowiańskich, głównie polskich, „*Archeologia Polski*” 4/2, 297-344.
- ⁵⁰ Leciejewicz, Lech; Wieczorowski, Tadeusz, *Wczesne średniowiecze do czasu ukształtowania się miasta (VI-Xwiek)*, (in:) *Dzieje Szczecina*, vol. I, Warszawa, 1983. p. 578
- ⁵¹ Świątkiewicz, Piotr, *Uzbrojenie wczesnośredniowieczne z Pomorza Zachodniego*, Łódź : Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 2002. 18, No. 17
- ⁵² Marek, Lech, *Wczesnośredniowieczne miecze z Europy Środkowej i Wschodniej*, *Acta Universitatis Wratislaviensis*, Nr. 2698, *Studia archeologiczne* 36, Wrocław. – p. 113, No. 222.
- ⁵³ Kucypera, Paweł; Kurasinsky, Tomas; Klimek, Leszek; Pudło, Piotr, *Wczesnosredniowieczne miecze ze zbiorow Muzeum Narodowego w Szczecinie w świetle ponownej analizy typologiczno-chronologicznej i technologicznej*, *Rocznik Naukowy Muzeum Narodowego w Szczecinie Nowa Seria tom VI/VII (2009/2010) 2011*, zeszyt 1 *Archeologia Szczecin*. – p. 300, 305-306, рис. 1: 3, 2: 5, 4: 1, 6: 4, 7: 2.
- ⁵⁴ Гуревич, А.Я. *Походы викингов*, Москва: Наука, 1966. – С. 65-66.
- ⁵⁵ ZH Rep. Z 575: S. 122 *Sitzungsberichte* 1941: S. 156 f., Abb. Nr. 1
- ⁵⁶ Gerhard Quaas, André König: *Verluste aus den Sammlungen des Berliner Zeughauses während und nach dem Zweiten Weltkrieg*. Hrsg. von der Stiftung Deutsches Historisches Museum, Berlin 2011, p. 30-31
- ⁵⁷ Частная переписка, 26.10.2018
- ⁵⁸ Fodor, Istvan, *On the contacts of Hungarians with the Baltic area in the 9th-11th centuries // Hungarian studies*, 2/2 (1986), *Akademiai Kiado*, Budapest. – pp. 217-226.
- ⁵⁹ Paulsen, Peter, *Wikingerfunde aus Ungarn im Lichte der nord- und westeuropäischen Frühgeschichte // Archaeologia Hungarica XII*, Budapest 1933. 14 Taf.
- ⁶⁰ Tomasz Kurasiński, Piotr Pudło, Mariusz Rychter, *Miecz z Łotwy typu Z przechowywany w zbiorach Muzeum Archeologicznego w Poznaniu : import czy produkt wschodniobałtycki? // Fontes Archaeologici Posnanienses : annales Musei Archaeologici Posnaniensis*, Tom 47 (2011) s. 5-11
- ⁶¹ Guldberg, Sverre, *The Smith on the Edge of Worlds: New perspectives on technology and ideology in the Late Norwegian Iron Age*, Master`s thesis, Institute of Archaeology, Conservation and History, University of Oslo, 2014. P. 110, Ap.B
- ⁶² B 12570 : Sverd. Museum: UM. URL: <https://www.unimus.no/portal/#/things/fd588418-1b83-49f0-a71f-9e02f4971a0a> (Дата обращения 15.08.2018)
- ⁶³ Haugen, Hanne, *Menn og deres perler En studie av menns bruk av perler med hovedvekt på Midt-Norge i yngre jernalder*, Masteroppgave i arkeologi ved NTNU, 2009. - P.47, Appendiks IIa, Appendiks V.
- ⁶⁴ T 18576 : Sverd. Museum: VM. URL: <https://www.unimus.no/portal/#/things/e290e12d-a2cc-4081-ba7d-0cb27ee07ceb> (Дата обращения 17.08.2018)
- ⁶⁵ Petersen, Jan, *De Norske Vikingsverd*, Oslo: Dybwad in Komm, 1919. - P. 87,215, 225.
- ⁶⁶ Там же, С. 216, 225, fig 53; Oakeshott, Ewart, *Swords of the Viking age*, Woodbridge: The Boydell Press, 2002. - P.35.
- ⁶⁷ Petersen, Jan, *De Norske Vikingsverd*, Oslo: Dybwad in Komm, 1919. -.P. 216, 225.
- ⁶⁸ Там же, с. 66. fig.57
- ⁶⁹ Там же, с. 120.
- ⁷⁰ Частная переписка с PhD Fabrice Cognot, 2018.
- ⁷¹ Norwich, John Julius, *The Normans in Sicily: the Normans in the South. 1016-1130 and The kingdom in the Sun 1130-1194*, London, Penguin,. 1992
- ⁷² C 21660 : Sverd. Museum: KHM. URL: <https://www.unimus.no/portal/#/things/495b08c6-786c-4157-83b0-26a83dfca9f6> (Дата обращения 07.09. 2018)

- ⁷³ Tomasz Kurasiński, Piotr Pudło, Mariusz Rychter. Miecz z Łotwy typu Z przechowywany w zbiorach Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. Import czy produkt wschodniobałtycki? // *Fontes Archaeologici Posnanienses*, Vol. 47 Poznań 2011. – pp.5-11
- ⁷⁴ Williams, Allan, A metallurgical study of some Viking swords // *Gladius, Estudios sobre armas antiguas, arte military vida cultural en oriente y occidente* XXIX (2009), pp. 123-124.
- ⁷⁵ Каинов С.Ю. Обряд "особого" обращения с клинковым оружием по материалам Гнёздовского некрополя. // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* — 2017. — №6 — с.126-139
- ⁷⁶ Šnore Elvīra, Lejasdopeļu kapulauks senajā Sēlijā // *Arheoloģija un etnogrāfija.* — 1997. — 19.laid., 64.-[81.]lpp
- ⁷⁷ Anteins, Aleksis, Dzelzs un tērauda izstrādājumu struktūras, īpašības un izgatavošanas tehnoloģija senajā Latvijā // *Arheoloģija un etnogrāfija* II — 1960. — l.p.49, 154 at.
- ⁷⁸ Morazzoni, Giuseppe, Maioliche e armi antiche di Legnago, Legnago: Fondazione Fioroni, 2010. – p.58, Tav. XVIII
- ⁷⁹ Fioroni, Maria, Leniacensia: scritti 1950-1970, Legnago: Fondazione Fioroni, 2008. – p. 308, p. 309 – Tav. I.
- ⁸⁰ Лысенко, Пётр, Открытие Берестья, Минск: Наука и Техника, 1989. – с. 88-89
- ⁸¹ Стасюк И.В., Михайлов А.В., Салмин С.А. Находки боевых ножей на Северо-Западе Руси (Ижорское плато, Псковская область) // *Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. Выпуск 33. Материалы 63-го заседания (2017 г.).* М., Псков: ИА РАН, 2018. С. 264-274
- ⁸² R. E. M. Wheeler, London and the Saxons. London Museum Catalogues, no. 6, 1935. Pl. XIII, no. 5 p.180
- ⁸³ Jones, D.D., Meijer, A. F., Technical Analysis of Swords, 1980
- ⁸⁴ Частная переписка, 20.11.2018г.
- ⁸⁵ Zoran Markov, Dragutin Petrovoic, Cold arms. Muzeul banatului Timisoara, 2012. p.66. Pic. 66
- ⁸⁶ Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. – С.146*
- ⁸⁷ A new hypothesis of the genesis of the Ottoman Yataghan: The crimean connection. S Samgin, A Barkan. *Waffen-und Kostumkunde* 58 (1), 49-60, 2016
- ⁸⁸ Rygh, Oluf, Norske Oldsager =Antiquities Norvegiennes, Christiania: Cammermeyer, 1885. Фиг. 190
- ⁸⁹ Анучин, Дмитрий Николаевич, О некоторых формах древнейших русских мечей, Одесса: А. Шульце, 1886 г.- С. 12
- ⁹⁰ Казакиявичюс В. Оружие балтских племен II-VIII веков на Территории Литвы (монография), Под ред. А. Таутавичуча, АН Лит ССР. Ин-т истории. – Вильнюс: Мокслас, 1988. - Стр. 82
- ⁹¹ Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. – С. 117*
- ⁹² Там же, стр. 117 ⁹³
- ⁹⁴ Там же, стр. 118
- ⁹⁴ Guðbrandur Vigfússon, Sturlunga Saga, Vol. II, Oxford: Clarendon, 1878. Index III
- ⁹⁵ Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. – С.118*
- ⁹⁶ Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. – С.118*
- ⁹⁷ Schetelig Haakon, Vestlandske graver fra jernalderen, Bergen: J. Griegs boktrykkeri, 1912. – Стр.52, рис. 116; Стр. 130, рис. 306
- ⁹⁸ Rygh, Oluf, Norske Oldsager =Antiquities Norvegiennes, Christiania: Cammermeyer, 1885. Стр. 24, стр.28,Рис. 496-500

⁹⁹ Den ældre Edda : norrøne oldkvad / overs. af A. Gjessing. Kristianssand : S. A. Steen, 1866.. - стр. 5

¹⁰⁰ «Sverd med enkelt Eg»). (Eriksen, Andreas Emile, Norsk Laesebog, udgiven of A. E. Eriksen og P. A. Paulsen, Tredje del, Kristiania: W.G. Fabritius, 1868. – p.47

¹⁰¹ Ms M. 638

¹⁰² MS Graecus Vitr. 26-2

¹⁰³ BL Add MS 11695 f. 086v

¹⁰⁴ Kitab al-hashaish (“Materia medica”), Iraq, Baghdad, 1224

¹⁰⁵ Ada Bruhn Hoffmeyer, Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid // *Gladius*, V (1966), pp. 1-194, Fig. 16: 1-25

¹⁰⁶ .Cherevichnik, Denis, To the question of the origin of yataghan // *History of antique arms, Researches* 2016, Vol. I, Kyiv: Institute of history of Ukraine NASU, 2017. Pp. 17-35

¹⁰⁸ Черевичник, Д. Л, Оттоманский ятаган: этимология и происхождение термина // *Мир оружия: истории, герои, коллекции, Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, 3-5 октября 2018 года. Тула: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский Государственный музей оружия»*. С. 389-395

¹⁰⁹ David G. Alexander, with Stuart W. Pyhrr and Will Kwiatkowski, *Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art*. New Haven: Yale University Press for The Metropolitan Museum of Art, 2015